

ГЛУБИННЫЕ СВЯЗИ

В нашем городе сегодня начались Лесковские чтения. Они посвящены исполняющемуся в феврале 1981 года 150-летию со дня рождения классика русской литературы, который, как сказал о нем Горький, «пронзил всю Русь». Богатое и разнообразное творческое наследие Н. С. Лескова содержит много неизученных страниц, представляющих интерес не только для специалистов-литературоведов, но и для всех, кто стремится лучше узнать историю родного края, его вклад в духовную сокровищницу России. Об одной неучтенной ранней публикации писателя-орловца и о связанной с ней особенностью его литературной деятельности статья В. Громова.

В переписке 1874 года с И. С. Аксаковым о своем, как бы мы сказали теперь, трудоустройстве Лесков называл совершенно правильным его рассуждение о несоответствии коммерческим занятиям людей литературных, однако в отношении себя допускал исключение: «Дело-то в том, что прежде, чем стать литератором, я был человеком коммерческим». Его ранние статьи появлялись в «Указателе экономического», который принимал также разного рода объявления «о предметах запроса и быта в области промышленности, об ищущих места и пр.». Тематика таких извещений нашла отражение в статьях Лескова: «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России», «Русские люди, состоящие «не у дел» и др.

Но вот совсем недавно выяснилось, что и сам Лесков, оказавшись в ноябре 1860 года «не у дел», поместил именно тогда следующее крайне любопытное объявление: «Русский человек, не лишенный некоторого образования научного и практически приспособленный к торговому делу, знающий близко жизнь и потребности разных мест России от Саратова до Житомира и от С.-Петербурга до Одессы и не замеченный в склонностях не полагать границы между хозяйским и своим добром, предлагает кому угодно из торговых известий или частных лиц избавить его от голодной смерти, купив его труд за такое вознаграждение, какого он окажется достойным по оценке. Предлагающий свои услуги, зная слабый кредит писанных аттестаций, желает принять

обязанности с условием: всякое его движение, клонящееся ко вреду хозяйских интересов, предать общественному суду, путем печатной гласности, и находит такое условие достаточною гарантией за добросовестность своих действий. Те, кому нужен такой рабочий человек, благоволят открыть свои требования редакции «Экономического указателя». — Соискателю работы 30 лет от роду и он — и телом, и умом здоров.

Он может представить за себя и обеспечение в женином подвижном состоянии до 9 тыс. руб. сер.».

Первоначальный набросок этого весьма характерного документа встречается в письме Лескова от 5 августа 1860 года из Киева к редактору того же издания (напечатано в № 195 «Указателя экономического» 24 сентября 1860 г.): «Пишущий эти строки по собственному горькому опыту знает, как много вредит дворянская кличка соискателю торговой службы, и может засвидетельствовать справедливость этой истины множеством примеров. Несмотря на некоторое знакомство с отечественною торговлею, не взирая на знание многих местностей родного края, но, открывая предложение на свой труд в промышленном кругу, встречал от представителей торговли только советы обратиться за приобретением мест чиновников для поручений или следователей, мест, к которым он не чувствует никакого призвания».

Неоднократно напоминая Лескова о том, что его литературной работе предшествовали коммерческие за-

нятия, приобретают особую весомость благодаря новому факту. Эта первая по времени «заметка о себе самом». Теперь она помогает нам яснее и конкретнее представить себе то, что скрывалось за его зрелой самооценкой: «трудный рост». Тут и горькая необходимость искать состоятельного доброхота, который бы захотел и смог «избавить его от голодной смерти, купив его труд»; тут и явно преувеличенное доверие к «печатной гласности», к «общественному суду», связанное с какими-то надеждами на «обличительную литературу», уже подвергнутую к тому времени революционными демократами язвительной критике; тут и смущенное указание на самое минимальное образование соискателя, который, как будет говорить позднее о себе Лесков, «в науках не зашелся».

Но, пожалуй, самая примечательная особенность новонайденного делового текста будущего писателя из его «долитературной» поры заключается в том, что, подобно сжатой до предела дружине, он таит в себе жизненную энергию целого ряда последующих принципиальных заявлений и творческих правил публициста и художника. Таково довольно смелое для тридцатилетнего человека, но в данном случае вполне обоснованное утверждение о своем близком знании жизни и потребностей разных мест России от Саратова до Житомира и от Петербурга до Одессы.

Этот довольно строгий в географическом отношении абрис ранних странствий по широкому простору родной земли Лесков раздвинет и развернет позднее до эпических масштабов излюбленной им былинной метафоры: «И при этом припоминаю Русь такую, как я ее знаю от Черного моря до Белого и от Брод до Красного Яру»; «я знаю Русь», «я, смею сказать, знаю Россию как свои пять пальцев».

Реальные жизненные данные для своих художествен-

ных прозрений и обобщений или для публицистических выводов он, говоря его же словами, брал «со всей Руси» и стремился, следуя великому примеру Пушкина, а также других первоучителей, описать любой «кусочек жизни» так, чтобы «вместить в него всю Россию», то есть, «охватив малое, охватив целое». Эта основанная на богатейшем жизненном опыте творческая концепция позволила Горькому проникательно заметить: «В каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе мира, а о судьбе России».

Действительно, даже в документальном очерке он стремился и умел показать, например, свой же Добрыньский приход Кромского уезда как некий «микрокосм» всей земской Руси. Публицистика Лескова в свою очередь постоянно раскрывала «органическую связь, стягивающую всю Русь к одному центру нашего государственного соединения», как было сказано им в «Русских общественных заметках», где встречается такое образное утверждение: «В настоящее время перед нами опять очень большой и очень дорогой для нас субъект, состояние здоровья которого служит предметом очень больших споров: субъект этот — Россия».

Глубинная связь авторской позиции Лескова в любом из его произведений с широким знанием своей страны, с богатым жизненным опытом, с практической деятельностью, предшествовавшей писательству, особенно полно им раскрыта в одном из писем 1886 года к редактору «Нового времени». Оно было посвящено очередному обоснованию своей неизменной и кровной мысли о том, что «опыт и знание все-таки своей цены стоят, да и покоя не дают».

Лесков здесь вновь сослался на то, о чем печатно заявил еще в 1860 году в объявлении о поисках работы, но только теперь это уже представляло собою всеоб-

ъемлющее обобщение писателя своих неизменных представлений о нерасторжимых связях литературы с жизнью: «Прожив изрядное количество лет, и много перечитав, и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как «Микула Селянинович», которого «тяготила тяга» знания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас городят пишущие люди, оглядывающие Русь не с извозничьего «передка» (как мы езжали за три целковых из Орла в Киев), а «летком летая», из вагона экстренного поезда. Все у них мимолетом и наблюдения, и опыты, и заметки...».

На вопрос журналиста, откуда он черпает материалы для художественных произведений, маститый писатель указывал на свой открытый лоб, сказал: «Вот из этого сундука. Здесь хранятся впечатления 6—7 лет моей коммерческой службы, когда мне приходилось по делам странствовать по России. Это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел...».

В «стране непочатых работ и невозделанных богатств» выходец из привилегированного сословия и в то же время типичный разночинец, оказавшийся в чуждой ему роли «дворянина», Лесков воочию увидел, что «предложение труда русских людей превышает запрос его в России». Ему осталось неведомой рефлексия «лишнего человека», изображение которого заняло очень видное место в отечественной литературе 1840-х—1850-х годов, но зато с первых самостоятельных шагов в жизни, а затем и на писательском поприще были понятны и близки «несчастия разночинцев в прискании себе занятия». Он называл их в статьях 1860-х годов «людьми без дела», то есть безработными, и познал на собственном опыте горькую участь умственных пролетариев.

В. ГРОМОВ.